DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.050
УДК 314.146(470.54-25) + 314.5(470.54-25) + + 303.7 + 314.02 + 004.65

Е. М. Главацкая
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. В. Бобицкий
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

Е. А. Заболотных
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

А. В. Вишневская
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

БРАЧНОСТЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ НАЧАЛА XX в.: КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена анализу одной из важнейших характеристик демографического поведения городского населения России — возрасту вступления в первый брак и его динамике в начале XX в. В качестве объекта исследования выбран Екатеринбург, один из небольших, но интенсивно развивавшихся промышленных российских городов. Наряду с агрегированными данными переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг. в качестве источников были использованы сведения метрических книг, которые были транскрибированы в базу данных «Регистр населения Урала».

В результате анализа номинативных данных метрических книг был установлен возраст вступления в первый брак не только в среднем по городу, но и по отдельным его приходам, что позволило выявить особенности в демографическом поведении горожан, обусловленные этнической или религиозной принадлежностью, социальным, миграционным статусом и другими персональными характеристиками.

На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что дореволюционный Екатеринбург приближался к «европейской» модели брака, по крайней мере, с точки зрения среднего возраста вступления в первый брак у мужчин, а с началом войны этот показатель еще увеличился. Однако согласно данным переписи 1926 г., расчетный возраст вступления в брак и уровень окончательного безбрачия значительно снизились по сравнению с имперским периодом. Результаты анализа агрегированных и номинативных данных по Екатеринбургу позволили предположить, что после революции и установления нового политического режима миграция из западных губерний прекратилась, а из сельской округи — возросла. Переселенцы из сельской местности приносили в город традиционные брачные нормы, которые подразумевали обязательное вступление в брак. Находясь в состоянии стресса, вызванного Первой мировой войной, революцией и начавшейся гражданской войной, эти мигранты пытались вступить в брак раньше, чтобы получить социальную поддержку в кругу семьи.

© Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневская А. В., 2019 CC BY-NC

Ключевые слова: брачность; возраст вступления в первый брак; городское население; Урал; метрические книги; переписи; базы данных.

Цитирование: *Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневская А. В.* Брачность в Екатеринбурге начала XX в.: квантитативный анализ. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.050 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 104–121.

Поступила в редакцию 28.06.2019
Принята к печати 14.08.2019

Elena M. Glavatskaya
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Aleksandr V. Bobitsky
Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia

Elizaveta A. Zabolotnykh
Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia

Anastasia V. Vishnevskaja
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

NUPTIALITY IN EARLY 20TH CENTURY YEKATERINBURG: QUANTITATIVE ANALYSIS

This article analyses one of the main characteristics of the demographic behaviour of Russian citizens, i.e. their age at first marriage and its dynamics in the early twentieth century. The authors examine the situation in Yekaterinburg, a compact but an intensively developing industrial city. Together with aggregated census data, the authors refer to microdata extracted from several city parish registers (*metricheskie knigi*), which they transcribed into the *Ural Population Project* database.

As a result of the analysis of nominative data of parish registers, the authors establish the age of first marriages including both averages in the city as a whole and per parish which enables them to conclude about the citizens' demographic behaviour conditioned by their ethnic or religious affiliation, social status and migration patterns, and other personal characteristics.

The analysis demonstrates that Yekaterinburg seems to be closer to the "European" marriage pattern, at least in terms of mean age at first marriage in men which grew with the beginning of the war. However, according to the 1926 Census and the age of first marriage and that of never married significantly decreased as compared to the imperial period. The results of the analysis of aggregated and nominative data for Yekaterinburg enable the authors to put forward an idea that following the revolution and the establishment of a new political regime, migration from western

provinces stopped while migration from rural areas increased. Rural migrants brought their own marital patterns to the city which implied mandatory marriage. Living in an increasingly stressful environment as a result of World War I, the revolution and the civil war, migrants were trying to get married earlier than on average to secure family support for themselves.

K e y w o r d s: nuptiality; age at first marriage; urban population; Urals; parish registers; censuses; databases.

C i t a t i o n: Glavatskaya, E. M., Bobitsky, A. V., Zabolotnykh, E. A., & Vishnevskaja, A. V. (2019). Brachnost' v Ekaterinburge nachala XX v.: kvantitativnyi analiz [Nuptiality in Early 20th Century Yekaterinburg: Quantitative Analysis]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 21*, 3 (190), 104–121. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.050

Submitted on 28 June, 2019
Accepted on 14 August, 2019

Введение

Россия конца XIX в. переживала период интенсивной индустриализации и урбанизации, которые не могли не повлиять и на основные демографические характеристики, к числу которых относится брачность населения. При этом особую нагрузку испытывали города, принявшие значительные потоки освободившегося крестьянства. Между тем, специфика брачности городского населения России в указанный период изучена явно недостаточно. Среди немногочисленных работ можно выделить глобальное по масштабам территориального и хронологического охвата исследование по социальной истории Российской империи Б. Н. Миронова [2014]. Одно из основных достоинств этой работы — общенациональный охват — не позволило показать специфику отдельных городов, за исключением ранжирования по численности населения, а тем более учесть религиозную или этническую специфику, влияние политических событий и т. д. Кроме того, несмотря на то, что брачность россиян в конце XIX — начале XX в. неоднократно становилась объектом исследования историков, источники и методы работы с ними редко совпадали с теми, что используются европейскими исследователями. Поэтому при проведении сравнительного анализа интересные сами по себе результаты не всегда оказывались сопоставимы с данными по европейским территориям. Брачность городского населения восточной части империи привлекала еще меньше внимания и большинство исследований по этой проблеме основано на агрегированных данных. Исключением являются несколько публикаций по брачности в отдельных приходах Екатеринбурга [Glavatskaya, Borovik; Главацкая, Боровик, Бобицкий; Главацкая, Заболотных], а также работы исследователей из АлтГУ, посвященные населению Барнаула [Владимиров, Сарафанов]. Последние, однако, изучали только русское православное население и представляли данные о возрасте вступления в брак в формате интервальных значений для отдельных социальных групп, в результате

средний возраст вступления в первый брак в Барнауле так и не был рассчитан. Между тем, изучение демографических характеристик российского общества в начале XX в. важно для понимания того, насколько его развитие шло в русле глобальных демографических процессов. Данная статья посвящена решению именно этой проблемы: провести исследование на источниках и методами, аналогичными тем, что были использованы для анализа основных характеристик брачности населения европейских городов.

Поворотным моментом в исследовании брачности в Европе и за ее пределами, как известно, стало создание Дж. Хайналом (Hajnal) в 1965 г. концепции «европейского» типа брачности, чертами которого являются относительно позднее вступление в первый брак: 27–29 лет для мужчин и 24–26 лет для женщин; и значительная доля населения, никогда не вступавшего в брак, — 10–15 % [Hajnal]. Однако, как показали многочисленные исследования на европейском материале, региональные модели даже внутри одной и той же страны имеют свою специфику, требующую осмысления[1]. Целью данного исследования стал анализ российской региональной модели брачности на примере отдельного города.

Екатеринбург взят в качестве примера, поскольку являлся одним из российских городов, активно вовлеченных в процессы урбанизации, и в начале XX в. принял большое количество мигрантов, как из сельской округи, так и из западных губерний Российской империи. В первой четверти XX в. население города постоянно росло и становилось всё более разнообразным по своему религиозному и этническому составу, несмотря на то, что более 90 % составляли православные. Город также интересен своей ориентацией на индустриальную Европу и наличием западнохристианских общин с момента его основания в 1723 г. В XIX и XX вв. он был одним из важнейших в экономическом и культурном отношении российских городов, изучение ситуации в котором может стать ключом к пониманию демографической динамики в стране. Кроме того, определяющим стало и наличие уникальной источниковой базы «Регистр населения Урала», в создании которой приняли участие авторы статьи. Она включает записи метрических книг приходов Екатеринбурга за 1880–1923 гг., что позволило провести исследование на микроуровне. Конкретными задачами исследования являлись: рассчитать средний возраст вступления в брак (SMAM) и уровень окончательного безбрачия в Екатеринбурге по материалам переписей населения 1897 и 1926 гг., с тем чтобы сравнить полученные результаты с данными по европейской части России и выявить динамику в рассматриваемый период; на основе анализа данных метрических книг рассчитать средний возраст вступления в первый брак в Екатеринбурге, чтобы выявить специфику по отдельным деноминациям и приходам, учесть влияние социального и миграционного статуса, а также политических событий начала XX в.

[1] Подробный анализ самой модели и ее критики дан в статье Петера Ори, опубликованной в этом номере журнала [Ори].

Источники и методы

Получить расчетный средний возраст вступления в брак можно на основе агрегированных данных двух переписей: Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. Обе переписи были тщательно подготовлены и проведены в соответствии с международными стандартами, однако после обработки и создания таблиц с обобщенными результатами первичные материалы, к сожалению, были уничтожены. Успешно начатый процесс регулярного учета населения на национальном уровне был прерван из-за вспыхнувшей в 1905 г. революции, сделавшей невозможной очередную перепись. Экономические трудности и продовольственные кризисы после вступления России в Первую мировую войну требовали срочного получения информации о населении и снабжении, и в 1916 и 1917 гг. ряд российских муниципалитетов, в том числе Екатеринбургский, провели городские переписи для организации эффективного снабжения населения продовольствием. Большая часть материалов, полученных в ходе этих переписей, к сожалению, так и не была проанализирована и опубликована из-за смены власти в стране в 1917 г. [Бахарев]. Перепись населения, инициированная уже правительством большевиков в 1920 г., также не была осуществлена в полной мере из-за нехватки ресурсов, политической турбулентности, иностранных интервенций и гражданской войны [Thorvaldsen, Glavatskaya]. Агрегированные данные переписи 1920 г. по Екатеринбургу, к сожалению, не достаточны для анализа основных характеристик брачности, поэтому для получения расчетного среднего возраста вступления в брак (SMAM) и процента окончательно безбрачного населения были использованы результаты переписей 1897 г. и 1926 г.

Наше исследование возраста вступления в первый брак по отдельным приходам основано на сведениях метрических книг религиозных общин Екатеринбурга, которые были выявлены в фондах Государственного архива Свердловской области. Сведения из метрических книг приход за приходом были транскрибированы в отдельные базы данных, которые вошли в «Регистр населения Урала». При регистрации браков, как правило, указывались имена, дата заключения брака, брачный и социальный статус и/или занятия жениха и невесты, место приписки, возраст, религиозная принадлежность (при необходимости); а также информация о родителях, свидетелях и том, кто провел обряд бракосочетания. Мы транскрибировали данные о браках в четырех православных приходах, в общей сложности почти 10 000 бракосочетаний в период с 1880 по 1923 г., при этом почти 6 000 браков относятся к периоду с 1900 по 1919 г. Кроме того, в Регистр вошли данные, транскрибированные из метрических книг старообрядцев, католической церкви Св. Анны, лютеранской церкви Св. Петра, синагоги и мусульманской общины. Таким образом, всего нами было проанализировано около 7 000 браков, зарегистрированных в 10 «приходах» Екатеринбурга (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество браков в Екатеринбурге по годам и деноминациям*

Год	РПЦ	Старообрядцы	Католики	Лютеране	Евреи	Мусульмане	Итого
1900	308		4				312
1901	314		8	3			325
1902	277		5	5			287
1903	284		4	1			289
1904	136		4	4			144
1905	279		6	3			288
1906	385		7	6	10		408
1907	399	13	7	11	9		439
1908	314	19	9	10	11		363
1909	329	21	6	11	7		374
1910	301	19	8	25	7		360
1911	283	17	7	23	12		342
1912	350	7	3	38	8		406
1913	377	6	4	23	5		415
1914	370	9	6	12	8	18	423
1915	239	10	6	21	14	9	299
1916	187	6	25	63	12	11	304
1917	267	12	32	70	33	15	429
1918	180	24	75	26		23	328
1919	239	9	41	24			313
Итого	5818	172	267	379	136	76	6848

* Сост. по: [Регистр населения Урала].

Эти микроданные позволили рассчитать средний возраст вступления в первый брак и увидеть влияние Первой мировой войны, революции и гражданской войны на этот показатель брачности.

Екатеринбург: этнорелигиозный и демографический портрет

Дореволюционный Екатеринбург был быстро развивавшимся промышленным городом с растущим этническим и религиозным разнообразием [Glavatskaya]. Большинство населения принадлежало к РПЦ, при этом в городском религиозном ландшафте заметную роль традиционно играли сообщества старообрядцев, мусульман, лютеран, католиков и иудеев (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность населения Екатеринбурга в 1897 г. по религиозным деноминациям*

Деноминация	Мужчины	Женщины	Всего	%
Православные (РПЦ)	18 534	21 211	39 745	91,9
Старообрядцы	766	1024	1790	4,1
Мусульмане	386	292	678	1,6
Лютеране	167	176	343	0,8
Католики	167	156	323	0,7
Иудеи	150	153	303	0,7
Другие	23	34	57	0,1
Итого	20 193	23 046	43 239	100

* Сост. по: перепись 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., с. 92–93].

Самым представительным, после старообрядцев, религиозным меньшинством города в 1897 г. были мусульмане, чья община состояла в основном из этнических татар и башкир. Подавляющее большинство членов следующей по численности лютеранской общины были немцами, а большинство католиков имело польское происхождение. Чуть меньше католической по численности была иудейская община, состоявшая из евреев, прибывших в основном из западных губерний Российской империи.

Данные адресного стола городской управы Екатеринбурга на 1 января 1913 г. свидетельствовали о росте религиозного разнообразия. Все неправославные сообщества увеличили свою долю в религиозном составе города (см. табл. 3), в основном за счет миграций, вызванных различными обстоятельствами.

Таблица 3

Численность населения Екатеринбурга в 1913 г. по религиозным деноминациям*

Деноминация	Мужчины	Женщины	Всего	%	Сконструированные данные, N**	Сконструированные данные, %
Православные***	35 024	34 177	69 201	90,6	81 833,3	90,5
Иудеи	679	456	1135	1,5	1453,4	1,6
Католики	587	364	951	1,2	1104,1	1,2
Лютеране	512	377	889	1,2	1031,6	1,1
Мусульмане	2854	1139	3993	5,2	5112,0	5,7
Другие	136	43	179	0,2	201,0	0,2
Итого	39 792	36 556	76 348	100	90 422,6	100

* Сост. по: данные адресного стола на 1 января 1913 г. [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 524, л. 154]; перепись 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., с. 292–293].

** Дети до 14 лет в 1913 г. не регистрировались. Проблема недоучета была отчасти решена путем прибавления вероятного числа детей, рассчитанного на основе данных переписи 1897 г.

*** В том числе старообрядцы.

Даже если городская управа Екатеринбурга собрала данные на основе принципов, отличных от тех, что были использованы при проведении переписи 1897 г., они дают возможность оценить общую динамику численности религиозных групп.

Перепись, проведенная правительством советской России в 1920 г., показала как общее сокращение населения города, так и изменения в его этническом составе. В переписных листах 1920 г. не было вопроса о религии, но мы использовали данные об этнической принадлежности для анализа религиозного состава города, так как в этот период этническая и религиозная идентичность были тесно связаны даже для тех, кто не считал себя религиозным. Большинство екатеринбургских поляков были католиками; немцев — лютеранами; татар и башкир — мусульманами; русских, украинцев и белорусов — православными, включая старообрядцев всех согласий. Большинство городских евреев, даже если и не были религиозны, социально были связаны с одной из местных синагог. Такой подход позволяет интерпретировать данные «нерелигиозной» переписи населения 1920 г. следующим образом: число иудеев в Екатеринбурге значительно увеличилось, доля католиков не изменилась, а процент этнических лютеран и особенно этнических мусульман сократился существенно (см. табл. 4).

Таблица 4

Численность населения Екатеринбурга в 1920 г. по этнорелигиозным деноминациям*

Деноминация (условно)	Мужчины	Женщины	Всего	%
Православные	37 121	43 142	80 263	90,8
Иудеи	1682	1923	3605	4,1
Католики	575	507	1082	1,2
Лютеране	199	161	360	0,4
Мусульмане	774	648	1422	1,6
Другие	1050	618	1668	1,9
Итого	41 401	46 999	88 400	100

* Сост. по: перепись 1920 г. [Статистический сборник Екатеринбургской губернии..., с. 22–23].

Брачность в Екатеринбурге и Екатеринбургском уезде

1. Расчетный средний возраст вступления в брак (SMAM)

Поскольку первичные материалы переписи 1897 г. (переписные листы) не сохранились, мы рассчитали средний возраст вступления в брак (SMAM) на основе агрегированных результатов. Расчет проводился отдельно на материалах города Екатеринбурга (всего 43 239 чел.) и сельского населения Екатеринбургского уезда (всего 369 057 чел.). Как и ожидалось, городской SMAM был

выше сельского: разница составила 3,6 года для мужчин и 4 года для женщин (см. табл. 5).

Таблица 5

Расчетный средний возраст вступления в брак для населения Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда в 1897 г.*

Город		Уезд	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
27,1	24,6	23,5	20,6

* Сост. по: перепись 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., с. 36–37].

SMAM в Екатеринбурге хорошо соответствует среднему возрасту вступления в брак среди городского населения России в 1910 г.: 27,7 лет для мужчин и 24,8 года для женщин в крупных городах[2] и 26,8 лет и 22,8 года соответственно в малых [Миронов, 2003, с. 169]; при этом SMAM женщин ближе к показателю крупных городов. Чтобы увидеть динамику, мы также рассчитали SMAM, используя данные переписи 1926 г., как для Свердловска (136 420 чел.), так и для сельского населения Свердловского округа (272 179 чел.). Чтобы сделать его сопоставимым с данными дореволюционной переписи, при расчетах мы использовали те же возрастные группы, что и в переписи 1897 г. (см. табл. 6).

Таблица 6

Расчетный средний возраст вступления в брак для населения Свердловска и сельских жителей Свердловского округа в 1926 г.*

Город		Сельская местность	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
24,9	21,8	22,0	20,0

* Сост. по: перепись 1926 г. [Таблицы из отд. отт. из изд.: Всесоюзная перепись населения..., т. 38, с. 82–83].

Средний возраст вступления в брак в городе предсказуемо оказался выше, чем на селе, однако неожиданным стало снижение возраста вступления в брак в 1926 г. в сравнении с концом XIX в. Кроме того, снизилась разница этого показателя у городского и сельского населения, особенно среди женщин: в 1897 г. разница составляла 4 года, а в 1926 — всего 1,8 года. На основе возрастов, рассчитанных для 1897 и 1926 гг., можно предположить, что средний возраст

[2] К категории «крупные» статистики относили муниципалитеты с населением 100 000 человек и более. Таковыми в 1897 г. были Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Лодзь, Одесса, Рига и т. д., всего 20 городов империи.

вступления в брак в начале XX в. не превышал 26 лет для мужчин и 23,2 года для женщин.

2. Уровень окончательного безбрачия

Для расчета так называемого уровня окончательного безбрачия мы взяли данные переписей 1897 и 1926 гг., изменив возрастные группы Всесоюзной переписи в соответствии с дореволюционной, и посчитали средние значения для когорт в возрасте от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет (см. табл. 7 и 8).

Таблица 7

Половозрастное распределение жителей Екатеринбурга, никогда не состоявших в браке на момент переписи 1897 г.*

Возраст	Мужчины		Женщины	
	N	%	N	%
15–16	954	100,0	1186	98,7
17–19	1478	96,7	1650	79,6
20–29	3776	57,0	4054	40,2
30–39	3266	17,3	3424	19,2
40–49	2346	9,8	2541	15,6
50–59	1277	7,0	1773	11,4
Среднее		8,4		13,5

* Сост. по: перепись 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., с. 36].

Таблица 8

Половозрастное распределение жителей Свердловска, никогда не состоявших в браке на момент переписи 1926 г.*

Возраст	Мужчины		Женщины	
	N	%	N	%
15–16	2382	99,6	3201	98,8
17–19	4087	96,1	5511	78,4
20–29	16 888	44,5	17 690	22,9
30–39	10 988	7,7	10 560	6,8
40–49	6657	4,2	6269	6,0
50–59	3346	3,3	4312	6,2
Среднее		3,7		6,1

* Сост. по: перепись 1926 г. [Таблицы из отд. отт. из изд.: Всесоюзная перепись населения..., т. 38, с. 36–37].

Как видно из приведенных выше таблиц, в Екатеринбурге после Первой мировой войны, революции, гражданской войны и десятилетия советской власти

традиция обязательного заключения брака была все еще сильна. Более того, уровень окончательного безбрачия, и без того очень незначительный в сравнении с европейской моделью, сократился с 8,4 % до 3,7 % для мужчин и с 13,5 % до 6,1 % для женщин. Таким образом, можно предположить, что в условиях социально-политического кризиса традиционный институт семьи воспринимался как необходимость, во всяком случае, бóльшее число людей и в более раннем возрасте стремились вступить в брак. Однако, это заключение, сделанное на основе агрегированных данных, необходимо было проверить, использовав персональные сведения о сочетавшихся браком в Екатеринбурге.

3. Возраст вступления в первый брак: анализ номинативных данных

Приблизительный средний возраст вступления в брак, рассчитанный нами выше для Екатеринбурга начала XX в., — не более 26 лет для мужчин и 23,2 года для женщин, — близок к среднему показателю для малых городов России, — 26,8 и 22,8 соответственно [Миронов, 2003, с. 169]. Однако анализ номинативных данных о населении Екатеринбурга, которые представлены в «Регистре населения Урала», показал, что, хотя средний возраст вступления мужчин в первый брак близок к SMAM и составляет 26,2 года, средний возраст вступления женщин в первый брак ниже SMAM — 21,4 года (см. табл. 9).

Таблица 9

Средний возраст вступления в первый брак в Екатеринбурге в начале XX в.*

Приход	Период	Женихи		Невесты		Разница в возрасте
		N	Возраст	N	Возраст	
Богоявленский собор	1901–1919	397	26	413	21	5
Вознесенская церковь	1901–1919	1277	25,4	1326	21,5	3,9
Екатерининский собор	1901–1919	999	25,3	1045	21,4	3,9
Свято-Духовская церковь	1901–1915	849	24,9	905	20,8	4,1
Среднее значение РПЦ	**1901–1919**	**3522**	**25,4**	**3689**	**21,2**	**4,2**
Старообрядцы	1906–1925	138	24,9	144	21,2	3,7
Католики	1909–1919	237	28,5	248	22,3	6,2
Лютеране	1901–1919	310	27,7	269	23,1	4,6
Иудеи	1906–1917	123	25,3	121	21,9	3,4
Среднее значение	**1901–1919**	**670**	**27,2**	**638**	**22,4**	**4,8**
Мусульмане	1914–1918	40	28	50	19,3	8,7
Среднее значение по городу	**1901–1919**	**4370**	**26,2**	**4521**	**21,4**	**4,8**

* Сост. по: [Регистр населения Урала].

По российскому законодательству, минимальный возраст вступления в брак составлял 16 лет для невест и 18 — для женихов; для бракосочетания тех, кто

не достиг этого возраста, требовалось разрешение епископа [Григоровский]. Однако ранние браки не были широко распространенным явлением в позднеимперской России: только 2,5 % невест выходили замуж до достижения 17 лет [Тольц, с. 141]. Согласно данным «Регистра населения Урала», в начале XX в. в Екатеринбурге браки «несовершеннолетних» были также большой редкостью. За весь рассматриваемый период только 2 % городских невест (89 девушек) были пятнадцатилетними. Доля «несовершеннолетних» женихов была еще меньшей — 0,9 % от общего числа (39 молодых людей) женились в возрасте 17 лет. Большинство православных невест в Екатеринбурге венчались в возрасте от 20 до 22 лет, похожая картина зафиксирована в Барнауле [Владимиров, Сарафанов, с. 99–101]. Что касается женихов, то большинство из них создавали семьи между 19 и 27 годами. Возможно, на возраст вступления в брак мужчин оказывала влияние вероятность воинского призыва. В зависимости от полка молодые люди служили в армии от трех до четырех лет (на флоте пять лет). Вернувшиеся призывники выходили на брачный рынок в возрасте 25–26 лет.

В табл. 8 показано, что возраст вступления в первый брак у православных женихов мог различаться на один год в зависимости от прихода, к которому они принадлежали или в котором зарегистрировали свой брак. В среднем они вступали в брак в возрасте 25,4 года, а средний возраст невест составлял 21,1 года. Екатеринбургские иудеи женились примерно в том же возрасте, а лютеране, мусульмане и католики в свой первый брак в среднем вступали значительно позже, в 27–28 лет. Девушки в католическом и лютеранском приходах в среднем выходили замуж на несколько лет позже, чем православные, а раньше всех в брак вступали мусульманки.

Данные метрических книг позволили также рассчитать средний возраст вступления в первый брак в соответствии с социальным статусом. Так, православные женихи из мещан и крестьян вступали в брак в возрасте 24,7 и 24,8 года; купцы — в 27,4 года, а дворяне в возрасте 28,2 года. Девушки с более высоким социальным статусом также выходили замуж чуть позднее.

На материалах по старообрядцам была установлена зависимость возраста вступления в первый брак от миграционного статуса жениха. Более 55 % старообрядцев, зарегистрировавших свои браки в Екатеринбурге, были крестьянами, мигрировавшими в город. Оказавшись в новом окружении, они, скорее всего, вынуждены были отложить создание семьи. Это хорошо соответствует выводам, основанным на исторической базе данных о населении Трансильвании. Те, кто мигрировал в экономически более развитые регионы, вступали в брак в среднем на год позже, чем те, кто оставался дома [Holom, Sorescu-Iudean, Hărăguș].

Разница в возрасте между женихами и невестами

В среднем екатеринбургские женихи были на 4,8 года старше своих невест, а у мусульман — на 8,7 года (см. табл. 9). Среди супружеских пар с заметной разницей в возрасте (12–15 лет) можно отметить 19-летнюю крестьянку Анисию

Нарбутовскую, которая 23 октября 1917 г. вышла замуж за 31-летнего польского крестьянина Ивана Кулика из Галиции. Иван, вероятно, был одним из тысяч австро-венгерских военнослужащих, попавших на Урал после пленения в ходе операций 1914–1915 гг. Неизвестно, к какой деноминации он принадлежал, когда жил в Галиции, но за два дня до свадьбы Иван был крещен старообрядческим наставником Порфирием Мокрушиным в Успенской часовне и сам стал старообрядцем. В метрических книгах было указано, что это был его первый брак [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 334, л. 12 об.–13; д. 336, л. 2 об.–4]. Однако, принимая во внимание обстоятельства бракосочетания и тот факт, что старообрядцы не признавали обрядов, совершенных в других церквях, можно предположить, что старообрядческий наставник Порфирий, проведший оба обряда, вряд ли мог признать предыдущий брак Ивана действительным, даже если таковой и имелся.

Первая мировая война и возраст первого брака

Данные «Регистра населения Урала» позволили не только вычислить, каким образом Первая мировая война, революция и гражданская война повлияли на возраст вступления в первый брак в Екатеринбурге в целом, но и выявить, как религиозная принадлежность влияла на этот показатель (см. табл. 10).

Таблица 10

Средний возраст вступления в первый брак в Екатеринбурге по вероисповеданию, 1901–1914 гг. и 1915–1919 гг.*

Приходы	Женихи				Невесты			
	N/n	до 1914 г.	1915–1919	разница	N/n	до 1914 г.	1915–1919	разница
Богоявленский собор	301/96	25,7	27,0	+2,7	316/97	21,4	23,0	+1,6
Вознесенская церковь	1051/226	25,0	26,9	+1,9	1082/244	21,3	22,4	+1,1
Екатерининский собор	827/172	25,1	26,6	+1,5	869/176	21,2	22,3	+1,1
Свято-Духовская церковь	809/40	24,8	27,4	+2,6	857/48	20,7	22,2	+1,5
Итого и среднее значение	2988/534	25,2	27,0	+1,8	3124/565	21,2	22,5	+1,3
Католики	50/155	31,4	27,6	–3,8	49/146	26,1	22,1	–3,9
Лютеране	142/158	26,0	28,3	+2,3	137/156	22,4	24,4	+2
Иудеи	70/53	27,4	23,7	–3,7	66/55	21,1	22,9	+1,8
Итого и среднее значение	262/366	28,3	26,6	–1,7	254/357	23,2	23,1	–0,1

* Сост. по: [Регистр населения Урала].

Как и ожидалось, возраст вступления в первый брак увеличился как среди женихов, так и среди невест во всех приходах Русской православной церкви на 1,8 и 1,3 года соответственно, даже при наличии некоторых различий между приходами. Однако возраст вступления в первый брак у лютеран увеличился еще больше: в среднем на 2,3 года у женихов и на 2 года — у невест. Как было показано выше, в период с 1913 по 1920 г. численность лютеранского населения города сократилась. Это, возможно, стало одной из причин того, что сложнее было создать пару, и брак откладывался. Напротив, мигрировавшие католики и иудеи (мужчины) стали вступать в брак гораздо раньше, чем их екатеринбургские единоверцы до начала войны.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить общую тенденцию в демографическом поведении горожан Екатеринбурга в начале XX в., определить, как религиозная принадлежность, социальный и миграционный статус, а также политическая ситуация в стране влияли на возраст вступления в брак. Кроме того, на основе агрегированных данных о распределении населения города по полу, возрасту и семейному положению, которые были получены в ходе переписей 1897 и 1926 гг. удалось установить расчетный средний возраст вступления в брак горожан и уровень окончательного безбрачия.

Полученный нами SMAM женщин оказался несколько выше (24,6 года), чем аналогичный показатель (22,5–24 года), рассчитанный для всего городского населения Пермской губернии участниками Принстонского проекта [Coale, Anderson, Härm]. Это может быть связано с тем, что на данные городского населения Пермской губернии в целом повлияли более низкие показатели SMAM в городах с более высокой долей крестьян. Промышленный характер Екатеринбурга привлекал городское население с Запада, особенно католиков, лютеран и иудеев, возраст вступления в брак у которых был выше, чем у православных.

Опубликованные результаты переписи 1897 г. не содержат таблиц, связывающих пол, возраст и семейное положение с вероисповеданием, однако наш анализ метрических книг позволил понять влияние религиозной принадлежности на возраст вступления в первый брак. Мужчины католики, лютеране и мусульмане в среднем вступали в брак, будучи на несколько лет старше православных и иудеев. Разница в среднем возрасте первого брака между их невестами была менее существенной: женщины в католическом и лютеранском приходах выходили замуж на один-два года позже в сравнении с православными; раньше всех выходили замуж мусульманки. Мы выяснили, что принадлежность к определенному приходу в рамках одной и той же конфессии также могла влиять на средний возраст вступления в первый брак как невест, так и женихов.

Проведенное исследование подтвердило общее мнение о том, что социальный статус оказывал влияние на брачный возраст: те, кто обладал более высоким статусом, создавали семьи позднее. Кроме того, как показал анализ

персональных данных из метрических книг старообрядцев, мигранты откладывали вступление в брак в среднем на один год по сравнению с теми, кто оставался дома, если на них не оказывали давление политические кризисы и военные действия. Например, мужчины-старообрядцы из числа крестьян, переехавших в город из сельской местности, женились почти на год позже своих единоверцев-горожан. Оба вывода хорошо согласуются с аналогичными результатами, полученными на материалах Трансильвании [Holom, Sorescu-Iudean, Hărăguș]. Вероятно, мигрантам требовалось некоторое время для того, чтобы обжиться и достойно выйти на брачный рынок.

Незаметный среди данных обо всем городском населении Пермской губернии в исследовании Принстонского университета, дореволюционный Екатеринбург был ближе к «европейской» модели брака, по крайней мере, с точки зрения среднего возраста вступления в первый брак у мужчин. Данные на индивидуальном уровне показали, что средний возраст вступления в первый брак постепенно увеличивался в приходах РПЦ вплоть до Первой мировой войны, с началом которой резко возрос на 1,8 года у женихов и на 1,3 года у невест. Лютеране (преимущественно этнические немцы) также откладывали вступление в брак: мужчины на 2,3 года, девушки — на 2 года. Вероятно, это было вызвано нехваткой подходящих партнеров на брачном рынке, поскольку лютеранско-немецкое население резко сократилось между 1913 и 1920 гг. Кроме того, необходимо учитывать, что они жили в стране, находившейся в состоянии войны с Германией.

К сожалению, у нас пока нет номинативных данных о периоде после 1919 г., чтобы объяснить тот факт, что через десять лет после революции по той или иной причине молодые люди Екатеринбурга / Свердловска прервали развивавшуюся тенденцию вступать в брак позднее, чем большинство сограждан. Согласно данным переписи 1926 г., как SMAM, так и уровень окончательного безбрачия стали значительно ниже, чем в 1897 г. Можно предположить, что после революции и установления нового политического режима миграция из западных губерний прекратилась. Одновременно возросла миграция из сельской округи, а главное, изменились сами основы института брака в стране. Переселенцы из сельской местности привозили с собой православные или мусульманские брачные нормы, которые подразумевали обязательное вступление в брак. Находясь в состоянии стресса, вызванного войной, революцией и начавшейся гражданской войной, эти мигранты, а также военнопленные и беженцы пытались вступить в брак раньше, чтобы получить какую-то стабильность в кругу семьи. Кроме того, большевистское законодательство отделило церковь от государства, лишило ее права регистрировать браки и уже в 1917 г. приняло декрет о расторжении брака. Браки и разводы регистрировали государственные чиновники по заявлению граждан, без испытательного срока и совершения каких-либо таинств, что упростило как саму процедуру, так и, возможно, отношение к ней. Чтобы проверить, насколько снижение возраста вступления в брак было связано с возможностью его беспроблемного расторжения, необходимо создать базу данных

на основе сведений за 1919–1926 гг., аналогичную той, что использована для данного исследования.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область : [таблицы]. Отд. 3 : Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность / ЦСУ СССР, Отд. переписи ; Госплан СССР, Экономико-стат. сектор. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1930. С. 75–233. Отд. отт. из изд.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 38. М., 1930. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/12871 (дата обращения: 05.06.2019)

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 6. Оп. 13. Д. 334, 336; Ф. 62. Оп. 1. Д. 524.

Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб. : Синод. тип., 1912.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI : Пермская губерния. СПб. : Слово, 1904.

Регистр населения Урала — База данных «Регистр населения Урала». URL: http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project (дата обращения: 05.06.2019).

Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год / [предисл. В. Н. Смирнова]. Екатеринбург : Изд. Екатеринб. губ. стат. бюро, 1923. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/12871 (дата обращения: 05.06.2019).

Исследования

Бахарев Д. С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия : материалы межрег. конф., приуроч. к 100-летию революционных событий в России 1917 г., 27 октября 2017 г. / сост.: В. В. Сашанов. Челябинск : ЭлитПечать, 2017. С. 76–84.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII — начале XX в.). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013.

Главацкая Е. М., Боровик Ю. В., Бобицкий А. В. Католики Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. по материалам переписей и метрических книг. DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.044 // Изв. Урал. федер. ун-та. 2016. Сер. 2 : Гуманитар. науки. Т. 18. № 3 (154). С. 68–85.

Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. «...По закону Моисея и Израиля»: брак за чертой оседлости (по материалам еврейской религиозной общины Екатеринбурга). DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.063 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 9–26.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.

Ори П. Брак и рождение первого ребенка в Венгрии XVIII — первой половины XX в. (на примере поселения Жамбек). DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.049 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 85–103.

Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 138–153.

Coale A., Anderson B., Härm E. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 1979.

Glavatskaya E. Religious Landscape in Post-revolutionary Russia. The Case of Ekaterinburg // Transylvanian Review. 2018. № 2. P. 92–103.

Glavatskaya E., Borovik I. Death and Marriage: World War I Catholic Prisoners in the Urals // Transylvanian Review. 2016. 25 (4). P. 28–40.

Hajnal J. European Marriage Patterns in Perspective // Population in History: Essays in Historical Demography / ed. by D. V. Glass, & D. E. C. Eversley. London : Arnold, 1965. P. 101–143.

Holom E. C., Sorescu-Iudean O., Hărăguş M. "Beyond the Visible Pattern": Historical Particularities, Development, and Age at First Marriage in Transylvania, 1850–1914. DOI 10.1080/1081602X.2018.1433702 // The History of the Family. 2018. 23. 2. P. 329–358.

Thorvaldsen G., Glavatskaya E. The Three Main Western Revolutions and Their Censuses. DOI 10.15826/qr.2017.4.263 // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 4. P. 992–1008.

References

Bakharev, D. S. (2017). Gorodskaia odnodnevnaia perepis' Ekaterinburga 1917 goda (po materialam periodicheskoj pechati) [One-day Census in Yekaterinburg City according to 1917 Periodicals]. In V. V. Sashanov (Comp.), *Provintsial'nyi gorod v sobytiiakh 1917 goda: novye podkhody, issledovatel'skie problemy, otkrytiia: materialy mezhreg. konf., priuroch. k 100-letiiu revoliutsionnykh sobytii v Rossii 1917 g., 27 oktiabria 2017 g.* [Provincial Town in 1917: New Approaches, Research, Discoveries. Proceedings of Transregional Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Revolutionary Events in Russia 1917, October 27, 2017] (pp. 76–84). Chelyabinsk: Elitpechat.

Coale, A., Anderson, B., & Härm, E. (1979). *Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Glavatskaya, E., & Borovik, I. (2016). Death and Marriage: World War I Catholic Prisoners in the Urals. *Transylvanian Review, 25*(4), 28–40.

Glavatskaya, E. M., Borovik, J. V., & Bobitsky, A. V. (2016). Katoliki Ekaterinburga v kontse XIX — nachale XX v. po materialam perepisej i metricheskih knig [The Catholic Community of Yekaterinburg between the Late 19th and Early 20th Centuries according to the 1897 Census and Church Records]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 18*, 3 (154), 68–84. doi: 10.15826/izv2.2016.18.3.044 (In Russian)

Glavatskaya, E. (2018) Religious Landscape in Post-revolutionary Russia. The Case of Ekaterinburg. *Transylvanian Review*, 2, 92–103.

Glavatskaya, E. M., & Zabolotnykh, E. A. (2018). *"...Po zakonu Moiseia i Izrailia": brak za chertoi osedlosti (po materialam evreiskoi religioznoi obshchiny Ekaterinburga)* ["According to the Law of Moses and Israel": Jewish Marriages Outside the Pale of Settlement (with Reference to the Materials of the Yekaterinburg Jewish Religious Community)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 20*, 4 (181), 9–26. doi: 10.15826/izv2.2018.20.4.063 (In Russian)

Hajnal, J. (1965). European Marriage Patterns in Perspective. In D. V. Glass, & D. E. C. Eversley (Eds.), *Population in History: Essays in Historical Demography* (pp. 101–143). London: Arnold.

Holom, E. C., Sorescu-Iudean, O., & Hărăguş, M. (2018). "Beyond the Visible Pattern": Historical Particularities, Development, and Age at First Marriage in Transylvania, 1850–1914. *The History of the Family, 23*(2), 329–358. doi: 10.1080/1081602X.2018.1433702

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [The Social History of Russia in the Period of the Empire (18th — Early 20th Centuries)] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitri Bulanin. (In Russian)

Mironov, B. N. (2014). *Rossijskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitri Bulanin. (In Russian)

Őri, P. (2019). Brak i rozhdenie pervogo rebenka v Vengrii XVIII — pervoi poloviny XX v. (na primere poseleniia Zhambek) [Marriage and the First Birth in Zsámbék, Hungary (18th — Early 20th Centuries)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 21*, 3 (190), 85–103. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.049 (In Russian)

Thorvaldsen, G., & Glavatskaya, E. (2017). The Three Main Western Revolutions and Their Censuses. *Quaestio Rossica, 5*(4), 992–1008. doi: 10.15826/qr.2017.4.263

Tolz, M. S. (1977). Brachnost' naseleniia Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Marriages of the Population of Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. In A. G. Vishnevsky (Ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, Fertility, and Mortality in Russia and the USSR] (pp. 138–153). Moscow: Statistika. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E. (2013). *Informatsionnye tekhnologii v izuchenii metricheskih knig (naselenie Barnaula v konce XVIII — nachale XX v.)* [Information Technology in the Study of Metric Books (Population of Barnaul in the Late 18th — Early 20th Centuries)]. Barnaul: Altai State University. (In Russian)

Главацкая Елена Михайловна
доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Glavatskaya, Elena Mikhailovna
Dr. Hab. (History), Professor,
Department of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: elena.glavatskaya@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-7013-5013
Scopus ID: 55587715900

Бобицкий Александр Владимирович
научный сотрудник лаборатории
междисциплинарных гуманитарных
исследований
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: alexander.bobitsky@urfu.ru

Bobitsky, Aleksandr Vladimirovich
Research Fellow, Laboratory for
Interdisciplinary Research in the Humanities
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, Sofia Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: alexander.bobitsky@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-2541-7078

Заболотных Елизавета Александровна
научный сотрудник лаборатории
междисциплинарных гуманитарных
исследований
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Zabolotnykh, Elizaveta Aleksandrovna
Research Fellow, Laboratory for
Interdisciplinary Research in the Humanities
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, Sofia Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-1002-8723

Вишневская Анастасия Вячеславовна
лаборант-исследователь научной
лаборатории «Международный центр
демографических исследований»
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: anastasia.v.vishnevskaya@gmail.com

Vishnevskaja, Anastasia Vyacheslavovna
Research Assistant, Laboratory "International
Centre for Demographic Studies"
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: anastasia.v.vishnevskaya@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1243-5525